

ДАЛЬНИЙ ПОЛУСТАНОК

Богдан
Агрис

РУССКИЙ ГУЛЛИВЕР

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Богдан Агрис

Дальний полустанок

НП «Центр современной литературы»

2019

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Агрис Б.

Дальний полустанок / Б. Агрис — НП «Центр современной литературы», 2019 — (Поэтическая серия «Русского Гулливера»)

ISBN 978-5-91627-224-6

«Дальний полустанок» – первая книга стихов Богдана Агриса, выходящая в печать. Она составлена из стихотворений последних лет, преимущественно 2018–2019 годов – но для автора они стали обобщением многолетней поэтической работы и одновременно выходом на уровень высокого мастерства. Точный, уверенный стих сочетается здесь с темами, обращенными к смыслу и загадке единой для всех времен жизни, ее «рассказу и распеву» о себе и человеке. Умело сочетая достижения новейшей поэзии и опыт древних кельтских легенд, автор создаёт средствами своей метафизической лирики живое и подлинное пространство самовыговаривающейся реальности – одновременно традиционное и развернутое к современности.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-91627-224-6

© Агрис Б., 2019
© НП «Центр современной литературы», 2019

Содержание

I	6
«О сотах времени, об озере вне веса...»	6
Лето	7
«Мне надо бы пока остановиться...»	8
Дальний полустанок	9
«Как тополь вырастает в проулок осенней воды.....»	10
Мастодонт	11
«Только ночью на Самайн они оживают, когда...»	12
Ночь	13
«Ровесники легчайшего огня...»	14
«Определённо – тонкое ляжет вниз...»	15
«Янычары живут вдоль заузины п-измеренья...»	16
«Этайн лицо растёт у слепой воды...»	17
Диннхеншас	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Богдан Агрис

Дальний полустанок

- © Б. Агрис, текст, 2019
© А. Тавров, послесловие, 2019
© Русский Гулливер, издание, 2019
© Центр современной литературы, 2019

* * *

Стихи Богдана Агриса, наследующие натурфилософской лирике Тютчева и Заболоцкого, испытавшие заметное влияние «барочной» питерской школы, – в первую очередь Олега Юрьева, к наследникам которого сам автор себя причисляет, – поэзия плоть от плоти. Поэзия – в противоположность распространённому высказыванию в рифму о чувствах автора: пытливо исследующая мир горний через вибрации языка, говорящая о нём с позиции самоуменьшения – и с той подлинной фиксационностью, что не оставляет сомнения в присутствии здесь и сейчас.

БОРИС КУТЕНКОВ

«...Богдан Агрис виртуозно работает с лексикой стиха, он добивается эффекта почти абсолютной неорганики своей поэтической речи. Его образы взяты из мира природы, или из астрономии, или из геометрии, или из метафизики. <...> Лирического героя в этих текстах нет. А, значит, нет нарратива-речи героя с его уникальными речевыми интонациями. Инопланетный мир. Цепенящие мистерии в экзотике внечеловеческих измерений. Краски, абрисы, фигуры, тени, пересечения, звуки, стихи, неясные движения. От этой поэзии веет непонятным, неведомым, изысканным совершенством...»

КИРИЛЛ АНКУДИНОВ

«...Эти творения не следует ни в коей мере воспринимать как нечто, подлежащее однозначной дешифровке; их содержание несводимо к подспудно банальным формулам. Да, их смысл можно почувствовать и даже (втихомолку, для себя) попробовать выразить этот смысл простыми словами, но это будет лишь проекция на плоскость сложного и многомерного объекта – мерцающего гиперкуба, а на белом бумажном листе сохранится лишь ничего не объясняющий детский рисунок кубика. Может, поэтому самый правильный путь восприятия этих стихов лежит вне формального их анализа. Их ключевые метафоры и символы могут показаться легко вычленимыми, но ведь магический эффект достигается в их тесном переплетении, взаимодействии, и даже конфликте. Но разве не так же – в таких же переплетениях и конфликтах – живет столь близкий этому поэту мир живой материи?..»

АЛЕКСЕЙ КОРЕЦКИЙ

I

...на световых ветрах смеются зеркала...

«О сотах времени, об озере вне веса...»

О сотах времени, об озере вне веса,
О полом тростнике в созвездии Орла,
Покуда Альтаир шатается повесой
По собственным следам в самой основе леса, —
Ещё договоримся добела.

(...А были голодны растянутые вязы
В квадрате слюдяном и жались по углам.
Структуры воздуха обрушивались разом —
Тогда кололся он, как иглы дикобраза
С опасной крошкой пополам.)

Всё это днём, а в ночь луна была готова
Зеркальную листву пропеть за полчаса.
В листве цвели глаза и отражались совы,
Но приходил рассвет стозевно и свинцово
И в крошку бил те зрячие леса.

Но что ж? Он отцарил, и те же держит ноты
На том же голосе раскрытая луна.
О том, что время нам насобирало в соты,
О том, как озеро текло в свои высоты, —
Ещё договоримся дочерна...

Лето

Я осознал, что лето непохоже
На кромлеха воздушную руину,
Тем более на водяные знаки.

Вдоль изгороди тянется прохожий.
Он виден и сейчас наполовину,
А скоро вовсе скроется во мраке.

Сычи перекликаются полого.
Не потому ли так велик в охвате
Отвесный сруб среди ежей и вётел?

Соседние миры в обводе стога
Едва ли стоит в этом виноватить.
Но вы, кто в сычьих окликах живёте, —

Вам нужен лай собачий наизнанку.
Мне — долгий дом у млечного откоса
С дроздами и свечением рябины.

Вам — тусклый мел ночного полустанка,
Мне — лунный взрыв на выбоинах тёса,
Открытого едва до середины.

«Мне надо бы пока остановиться...»

Мне надо бы пока остановиться.
Ведь в медных сочленениях Луны
Еще не выстроили гаснущие птицы
Схрон окончательный, схрон миллионолицый...
Я затаюсь у вянущей стены,
Успевшей лишь на месяц распуститься.

Укрытие растёт. Цветочный нож реки
Рассёк наотмашь степь, где летом кулики
Окрестность подвели под выпавшее небо.
Проветривают ночь отпетые жнецы.
По склону осени текут во все концы
Отсроченные лабиринты хлеба.

Далёкий колокол своё выводит «ми».
Пастух полуночный, свои стада прими, —
Они с просторных звёзд спустились вереницей.
А схрон расширился до Млечного пути,
А схрон давно уже пылает во плоти, —
И больше он не даст остановиться.

Дальний полустанок

На железнодорожной тишине,
Где рядом – камышовый острый шелест,
И звёзды косяком идут на нерест,
И сосны поднимаются к Луне, —

Так вот, на ти́ ши железнодорожной
Свои мы пишем песни осторожно.
Как глаз циклопа, смотрит семафор.
В глуши пруда – лягушачья бравада,
И тянется тысячелетья кряду
Вдоль времени пологий косогор.

Еще раз – пишем мы на тишине,
Что рельсами сквозь зренье протянулась,
Но не заволодела, не замкнулась,
А стелется туманом по стерне,
Заходит в сёла, где проулки кривы,
И дремлет у корней огромной ивы.

До срока поезда отменены.
Ночь ладится напористо и споро.
Разбрасывает папоротник споры.
Доносит ветром запах белены.
А близ платформы – росчерки рябины
Да гомон затяжной и воробьиный.

И мы уже не верим в поезда
И в города далёкие не верим.
И зренье обостряется по мере
Того, как разгорается звезда.
Оно не даром: на вершине лета
Мы обнаружим – зренье стало светом.

«Как тополь вырастает в проулок осенней воды.....»

Как тополь вырастает в проулок осенней воды...
Суставы его – в шаровидных наростах омелы.
Ложится окрестность в сентябрьский окраинный дым,
Становится им, – и не диво, что сносит сады
Любым сквозняком в мельтешенье небесного мела.

Вскрывается осень внутри кругозора вещей.
Вздыхает уклончиво, ширится шероховато...
Стрекозы карбона растут в пустотелом хвоше:
Священный порядок становится втрое священ,
Когда понимаешь – и он был моложе когда-то.

Возводится время, как дышащий некий чертёж.
(Идут поперёк осторожные пульсы пунктира.)
В его лабиринтах нельзя запропасть ни за грош.
Уже погибаешь, – а в новую эру шагнёшь
И выйдешь живым в незнакомые области мира.

А тополь – он тоже уходит в проём сквозняка,
Шагает легко и на осыпях держится стойко.
Он в новой стране потечёт, как большая река,
И будет порой на его моложавых руках
По ранней весне веселиться проказница-сойка.

Мастодонт

Вдруг оказавшийся в моём засадном взгляде,
Охотник, предок, ты – ты здесь всего лишь гость.
Холодные холмы лежат в твоём укладе,
И в темноте, глядишь, опять с тобой поладит
Тень мастодонтова, в свою вернувшись кость.

Бери же эту тень, води её на тропы.
Пойдёте вы вдвоем к уклончивой звезде.
Внизу увидите иных становищ опыт —
Кварталы точные классической Европы:
Перо очинено, и шляпа на гвозде.

Как верхняя тропа тебя переменяла...
Камзол, парик, и трость, и верный мажордом.
Но стоит в кабинет – и пресвятые силы! —
Уходит мастодонт в готовые чернила,
Как будто в них всегда был стол его и дом.

По стану нотному вприсядку заплясали
Кривые дробочки, и птички, и крючки.
...Смотри, как твой тотем растёт в стеклянной зале:
Пустоты флейт его пока не растерзали,
Но копьями глядят мгновенные смычки.

Ещё, ещё, ещё! Куда несётесь, годы?
Созвездий контуры уже изменены.
Чьи лица проросли в садах *такой* свободы?
И что за городов неверные обводы,
Как первобытный страх, встают из-за спины?

А ветер из степи окатывает лица
Огромною водой чудовищных чудес.
И рушится весна на новые столицы,
Чьи контуры в зрачок взяла уже-не-птица...
(И сделает ещё их выверенный срез.)

Но ты бросаешь текст, дойдя до середины, —
Я в продолжение не буду посвящен.
Вы возвращаетесь в промозглые равнины,
Где наших городов померкшие руины
Возможно, попросту не найдены ещё...

«Только ночью на Самайн они оживают, когда...»

Только ночью на Самайн они оживают, когда
Лунный луч бережит их наскальные злые портреты.
И недоброй ордой забредают они в города,
И лихие тогда начинают сбываться приметы.

Мы во власти у них до поры, как не выпится день.
И я вспомню с утра, – но и это я вспомню не сразу, —
Как убитый бизон поднимал на рога мою тень
И сверлил моё сердце раскосым и горестным глазом.

Ночь

О собственном дожде зачем поёт вода?
Зачем прозрачных птиц проходит череда
Сквозь срезы времени и лунные проливы?
Зачем сады зеркал в их световых порывах
Так опрометчиво карабкаются вверх?
Зачем так ветрено в зеркальных тех садах?
И кто их возвращивал настолько кропотливо?
Зачем так холодно в садах двояких тех?

С поверхности воды не сводится лицо.
И катится в полях великое кольцо,
Кварталы дальних трав бросая в зуд созвездий.
Стоит внезапный лес на дальнем переезде,
И маревно от крыл полуночных чтецов.
Они читают нас раскатисто и страшно.
Они читают всё – леса, луга и пашни.
Они читают свет, они читают мрак.
Их голос – это плоть мерцающих собак
У тёмного гриба водонапорной башни,
Где осень вывесила многомерный стяг.

«Ровесники легчайшего огня...»

Ровесники легчайшего огня,
Чьи линии просторны и чисты, —
Они легли на тонкие листы,
Они вошли в седой набросок дня
И ладят в небо гибкие мосты.

Кто тянет время в наши города?
Кого нам нипочём не опознать?
Но знает их лесов святая знать,
К ним ластится оконная слюда
И льнёт снегов больная белизна.

Давай ещё хоть день не вспомним их.
Давай ещё повременим пока.
Они – не смерть, хотя и смерть легка.
Они – не стих, хотя робки, как стих,
Пришедший погостить издалека.

«Определённо – тонкое ляжет вниз...»

Определённо – тонкое ляжет вниз.
Ляжет в основу мраморного пейзажа.
Что поглубже – ржавые пятна лис,
Заиндевелые прочерки биссектрис —
Выше, конечно же, выше сегодня ляжет.

Просто зима в умеренной полосе.
В лесопосадках чернеют вороны гнёзда.
А по ночам – обычный, такой, как все,
Кто-то спокойно движется по шоссе,
То загораживая, то открывая звёзды.

Кто же? Сказать нетрудно, ответ так прост —
Не замерзая, хотя и в одном исподнем,
Едет Кухулин, дремлет на фоне звёзд.
Тянет его колесницу весёлый клёст,
Но улетит у поворота к Сходне.

«Янычары живут вдоль заузины п-измеренья...»

Янычары живут вдоль заузины п-измеренья,
Где-то воздуха близ, чуть касаясь его по утрам
Голью сабель кривых, и пространство сечётся от тренья
И кроится по шву, порождая в итоге ветра.

На пустых полустанках, где ворон костей не отыщет,
Ожидая напрасно последний полночный состав,
Я порой замечал, как неверные алые тыщи
Проносились вблизи от широкой улыбки клеста.

Алый взгляд в темноте, еле слышно скрипят половицы.
Кто-то должен пройти, заматавая заранее след.
Я покорен и слеп, я бреду янычарской столицей,
Полумесяцем губ окликаю окраины лет.

Кровь подходит к огню, переходит границу, и слада
Больше нет с этой кровью – она уже больше ничья...
...Янычарские кони стоят у пределов Улада,
Где Кухулин цветёт у седой сердцевины ручья.

Как трепещет в ночи твой отмеренный ясень, Европа!..
Словно осенью листья, с церковью опадают кресты.
И горят в темноте янычаровы алые тропы,
И поют на рассвете воздетые в небо клесты.

«Этайн лицо растёт у слепой воды...»

Этайн лицо растёт у слепой воды.
Сердце её – в корнях молодой звезды.
На тростнике – соцветья былой беды.
Этайн, о Этайн!

Бьются, как пчёлы, вешние города
В тот промежуток, где отцвела звезда,
Где отлетает вымершая вода
В тонкое лето.

Имя твоё горчит у испода трав.
Горе твоё у темноты украв,
Мудрая птица своё возвещает «кра!»,
Этайн, о Этайн!

Счастье кружить солнечной стрекозой.
Счастье влетать в праведный мезозой.
Счастье висеть на тростнике слезой, —
Мы не об этом.

Энгус горит в сиде своём сквозном.
Энгус в стихи переплетает зной.
О, ты горчишь безвременной белизной, —
Этайн, о Этайн!

Входят в мираж вечные короли.
Лебеди стонут в основе ночной земли.
Долго ли сжечь светлые корабли
В тьме бересклета?

Как отживать?
как пропадать?
как ждать

катят по небу алые обода

где роговица если уже слюда

новое золото но осторожно да

...этайн...

Диннхеншас

1

Шлиге Мидлуахра

(Новосходненское шоссе)

От Химок вдоль Маг Муиртемне
Дорога прошла.
(Осень светла в её русле).

Как встать на неё?
Иди по крылу соловья
Мимо просторных деревьев.
Мимо кирпичных объёмов обыденной жизни.
Мимо каирна у входа на главную площадь.
Синим стеклом, ослепшей водой
(В ней нельзя отразиться.)
После – налево.

(Не перепутаешь – там продают
Эль в ночь Бельтайна.
Вывеска стёрта.)

Как дальше – а тоже не тайна.
Город – налево.
Направо – равнина
Стеклянных значений.

Вот ты и вышел
К той, далеко по простору проброшенной ленте,
Что поведёт тебя к Таре и к лунным пожарам
В полночь над Сходней.

Недалеко от заезжего дома Да Дерга,
У сольного клёна —
Автозаправка.
Чуть над землёю,
Торной тропой на Куальнге
Течёт колесница.

Дальше, у Филино, в сером потёртом тумане

Выйдет навстречу тебе водопас обветшалый,
С ливнями сущности в правой и левой ладонях.

У Двурогого пруда – увидишь – привязано стадо
К огромному вздоху каштана.
Смотрит оно в зеркала совпадений ненужных,
Тихо жуёт недожитое, зряшное время,
Мычит понемногу.
Тянется вечер.
А на каштане,
Вот, загорелись уже очевидные свечи,
Явные свечи.

Травы будут смеяться.
На обочину вечных дождей
Выйдет парус с лицом человека.
И в седом переборе страниц
Вдруг отыщется мышь полевая,
Вдруг раскроется точная почва.

За водокачкой
Встретишь еще ты ворону забытых событий,
Что поселилась в заброшенной «Волге», – расскажет
Много она. Будут звёзды вплывать
В разбитые окна,
Танцевать на потёртом руле,
На клюве вороньем,
На долгом рассказе...

...А рядом
Ветер проносит неоновых вывесок пламя.
Пахнет луной и свободой. Встречные фары
Вдруг поднимаются в небо. Пространство искрится
Светлой пылью деревень, городов. А проулки
Смотрят глазами совы в обнажённую душу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.